

ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ В КАСПИЙСКО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Проблемы и перспективы обеспечения национальных интересов

Халидов Деньга, политолог,
руководитель Центра проблем
этнополитики и ислама, член-корреспондент Академии геополитики.

Предварительные замечания.

За последние 15 лет геополитические ориентиры и установки Москвы в Каспийском регионе претерпели существенные изменения. От попыток опереться на "старые" договоренности РСФСР с Персией (1921 г.) и Союза ССР с Ираном (1940 г.) как политико-правовых "инструментов" защиты геополитических интересов страны в регионе не осталось и следа. Эрозия государственнического подхода постепенно привела к почти полной победе подхода корпоративно-прагматического в геополитике России в столь важном регионе, как Каспий и прилегающие районы. Можно не сомневаться: чиновники из МИД и АП Президента РФ могут привести массу "убедительных", на первый взгляд, аргументов, что "именно такой внешнеполитический выбор был единственно возможным, а иногда и оптимальным в регионе". Но остается немало вопросов, касающихся, прежде всего, неутожительных (или даже разгромных) итогов эволюции российской геополитики в регионе за последние 15 лет. И в этой связи аргументы адвокатов российской "доктрины" на Каспии, сводящиеся к формуле *"что хорошо для НК "Лукойл", то благо для России"*, не выдерживают беспристрастной критики. Спор о критериях "успешности - неуспешности" каспийской геополитики все еще продолжается.

Так в чем же заключаются главные геополитические интересы России в Прикаспийском регионе? Каковы приоритеты и первоочередные задачи? Как мы дожили до жизни такой, что уже ставится под сомнение право России влиять на экологическую политику на Каспии, а возможности "нефтегазовой дипломатии" сузились до крайне ограниченных размеров? Впрочем, не являемся ли мы свидетелями сговора и признаков политэкономической коррупции, когда долгосрочные геополитические интересы страны приносятся в жертву интересам влиятельных олигархических групп, связанных с западным, прежде всего, американским капиталом? Вопрос далеко не риторический, если учесть массу косвенных а нередко и прямых признаков столь нелицеприятного вывода. Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся сначала реконструировать некоторые важные этапы становления или регресса геополитической "доктрины" России в регионе.

Геополитическая "доктрина" РФ на Каспии: опыт негативной эволюции

В эволюции геополитической доктрины России Каспии можно условно выделить 4 этапа-вехи: 1) *сочетание козыревского "романтического" западнофильства с элементами традиционной державности* (в исполнении силовиков из МО РФ); 2) *этап отрезвления и политического раздвоения* (с 1994-95 гг.) - сочетание прагматического интереса нефтяных корпораций и стратегически слабо выверенного государственнического подхода; 3) *прагматический* (конец 1999-начала 2000 гг.), увенчавшийся победой линии прагматиков и оттеснением на периферию государственнического подхода; 4) *компрадорский* с очевидными признаками сговора и почти полного геополитического отступления за последние годы.

Первый этап козыревского политического "романтизма" отличался дилетантизмом в вопросах внешней политики (в том числе и на каспийско-кавказском направлении) и сознательным выбором такой внешнеполитической линии поведения в пользу Запада, который граничил с прямым предательством. Окончательному провалу подобной геополитической "стратегии" на каспийско-кавказском направлении "помешали" как слабость самого МИД, так и традиционная державность в сочетании с относительной автономией силовиков из Минобороны. Примером хорошо проведенной спецоперации, разумеется, не без помощи российских генералов, является спецоперация по устранению от власти антироссийски настроенного режима туркофила А.Эльчибея в Азербайджане, (осень 1994 г.). Тот факт, что лидера переворота, пророссийски настроенного местного олигарха Сурета Гусейнова тогда переиграл опытный "волк" Г.Алиев, не меняет сути дела. Будь согласованной работа всех ведомств РФ в то смутное для Азербайджана время, как знать: может быть, сегодня мы имели бы в регионе совершенно иной геополитический расклад. Аналогично и в отношении Грузии. Когда либералы (масс-медиа и политики) и МИД России "пели оду" одному из первых советских "демократов" Э.Шеварднадзе и были готовы "сдать" Абхазию на милость Тбилиси (в период войны с августа 1992 по сентябрь

1993 гг.), военно-политические круги и тут проявили свой державный "инстинкт". В тот период синдром политическо-го раздвоения проявлялся более чем отчетливо.

Второй этап (1994-99 гг) отличался уже выраженной мотивацией защиты геополитических (и геоэкономических) интересов страны, отражаемой МИДом (линия Примакова) и военными из Минобороны, но уже в сочетании с прагматической линией Министерства топлива и энергетики РФ и ряда нефтяных компаний (НК), прежде всего, концерна "ЛУКОЙЛ", спешащих к разделу лакомого "пирога" нефтегазовых месторождений Каспия. Две эти линии не дополняли, а противоречили друг другу, оставляя впечатление несогласованности и стратегической ущербности. Вот какую оценку давал министр иностранных дел Азербайджана Г. Гасанов российской (каспийской) политике того периода: "Несмотря на заявления вашего МИДа, Азербайджан не имеет серьезных разногласий с Минтоплива и энергетики России и нормально сотрудничает с концерном "ЛУКОЙЛ". То есть речь идет не столько о разнице практических или экономических интересов наших государств, сколько о сугубо умозрительной концепции дипломатов". Разумеется, подход российских дипломатов и военных вовсе не был "чисто" умозрительным и в нем явственно проявлялась озабоченность стратегическими интересами страны в регионе.

При таком противоречивом раскладе на политэкономическом Олимпе страны успех государственнической или корпоративно-прагматической линии зависел, прежде всего, от степени "доступа к телу". Интересна судьба секретного распоряжения №396-рпс подписанного Б. Ельциным (в июле 1994 г.), согласно которому, в случае подписания Баку "контракта века" с западными ТНК, должны были вступить в силу экономические санкции в отношении азербайджанских судов на Каспии. Его попросту не завизировал Черномырдин, и о нем вскорости благополучно забыли. Как пишет вице-президент Академии геополитических проблем Л.Ивашов, *"в чем-то военным и дипломатам-государственникам удавалось продвигать истинно российские позиции в переговорных процессах. Но в конечном счете превалировали групповые, клановые и алчные интересы и в Грузии, и в Чечне... в частности, многомесячный труд дипломатов и военных по грузино-абхазскому урегулированию, согласованный со всеми представителями государств СНГ, в том числе и с министром иностранных дел Грузии, на Совете глав государств СНГ в Кишиневе в 1998 году, в одночасье был перечеркнут репликой Б. Ельцина, брошенной в адрес Е. Примакова: "Я не согласен с Вами, и согласен с предложениями Эдуарда Амбросиевича. Идите, дорабатывайте документ".*

Проблема в этом контексте включает в себя два аспекта.

Первый - это внутренняя противоречивость такой внешнеполитической "доктрины", что предоставляла возможность оппонентам (за которыми маячили "акулы" нефтяного бизнеса Запада) играть на этих противоречиях и чувствовать себя довольно уверенно за столом переговоров. Речь, прежде всего, идет о Баку и Тбилиси. **Второй аспект** связан с тем, что, собственно, в Москве не был сформирован адекватный новым вызовам и проблемам центр принятия решений по столь важному вопросу, как внешнеполитическая доктрина на Каспии (и в Закавказье). Именно в таком центре должны были бы разрабатывать генеральную стратегию и приоритеты, тактические вопросы (методы и союзники) и неуклонно продвигать в жизнь однажды разработанную и утвержденную доктрину. МИД и Совбез, Кремль и Минтопэнерго России - все они, в той или иной мере, представляли себя участниками "большой игры" на Каспии, которые вправе вносить

весомую лепту в региональную геополитику.

А в итоге получался противоречивый "гибрид", пагубные последствия которого для интересов страны на Каспии обнаруживаются только теперь. Впрочем, общественное мнение страны тщательно оберегает от травмирующего влияния информации о таких последствиях. О них подробнее чуть попозже. А пока отметим лишь, что они касаются не только проблемы безопасности России на Кавказе и вокруг Каспия, но и экономических интересов страны.

Третий этап - начало периода доминирования прагматического подхода и расставания с геополитическими "иллюзиями" (конец 1990-начало 2000-х гг.).

К концу 1996 года, когда окончательно стало ясно, что раздел Каспия по национальным секторам становится неотвратимым, в Москве стали искать относительно приемлемый для страны компромисс по международно-правовому статусу Каспия. После ряда неудач (в частности, на встрече министров иностранных дел прикаспийских государств в Ашхабаде в ноябре 1996 года) Москве удалось договориться с Астаной, с которой и было подписано Соглашение о разграничении дна северной части Каспия в июле 1998 года. В этот же период Москва всячески пыталась убедить Баку в выгодах "северного" (до Новороссийска) маршрута транспортировки и экспорта не только "ранней" нефти (несколько млн.тн./в год), но и "большой" (более 15-20 млн.тн./в год), после начала активного освоения месторождений "Азери", "Шираг", "Гюнешли" и "Шах-Дениз" западными ТНК. Извлекаемые запасы последних месторождений - около 750 млн. тн. нефти, без учета газа. Дискуссии вокруг альтернативных (российскому и иранскому) путей транспортировки "большой" нефти только начинались, и проект "Баку-Джейхан" рассматривался лишь как один из возможных, хотя и самых дорогих (около 4,0 млрд. долларов США на строительство трубопровода).

Однако, как показал ход последующих событий, именно этот вариант и был выбран, что можно рассматривать как индикатор геополитических императивов Америки при выборе маршрута. Кроме того, в этот период начинается активное вторжение англо-американского нефтяного капитала в каспийские проекты России и создание СП (вроде "ЛукАрко", "Роснефть-Шелл Каспиан венчурз"). Именно эти СП участвуют в капитале Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), который можно рассматривать как пример удачного международного сотрудничества. Что важно, без очевидного, в тактической перспективе, ущерба для геополитических интересов страны в Каспийском регионе. Правда, есть одно серьезное "но", и связано оно с тем, что Москва не защитила интересы Омана, первоначальное участие России в акционерном капитале КТК составляло 50%, из них голосующих акций было 33,3%. Это составляло 1/3 доли, а другие 2/3 уставного капитала КТК поровну распределялись между Казахстаном и Россией. Доля Омана, после долгих и жестких дискуссий российской и казахстанской сторон (в марте 1996 г.), сократилась до 7% (!) за счет увеличения американского участия в капитале КТК. При чем лоббистами американцев выступала российская сторона, что, разумеется, не прибавило "охотников" из богатых стран Персидского залива вкладывать капитал в страну. *Вообще говоря, негативные экономические последствия (в стратегической перспективе) такого подхода Москвы к внешнеэкономическому сотрудничеству с арабским миром трудно переоценить.* Дело в том, что арабы преимущественно делают прямые инвестиции, а не корпоративные, - спекулятивные по своей природе.

Именно в этот период (1996-98 гг.) были построены также обводной нефтепровод "Транснефти" через северные районы

Дагестана (дополнительно к ветке, идущей через Чечню) и железнодорожная "ветка" "Махачкала-Кизляр" в обход Чечни. Проект обводной ветки являлся частью проекта Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), доля России в котором составляет 21%, без учета капитала российско-англо-американских СП. Ситуация хронической нестабильности в Чечне, где сепаратистские силы морально и политически подпитывались с Запада, создавала негативный фон вокруг переговоров Москвы об альтернативных путях экспорта и транспортировки каспийской (азербайджанской) нефти через российскую территорию.

Но постепенно прагматическая геополитика с элементами проамериканского подхода, спровоцировала процесс эрозии подлинно государственнического подхода в кавказско-каспийской политике Кремля. Признаки подобной трансформации стали проявляться с начала 2000-х годов. Мы еще вернемся к теме, как это отражалось в работе ряда российских ведомств (в частности, министерства природных ресурсов), призванных защищать национальные интересы в энергетическом, экологическом и биоресурсном направлениях. Пока же отметим, что торжество узкой прагматики, не ограниченной рядом четких "вех" (переход за пределы которых есть очевидная геополитическая и геоэкономическая уступка интересам страны), привело к размытию контуров геополитики, выстраиваемой Примаковым и К*.

Четвертый этап (с начала 2000-х г.) – компрадорский, являющийся продолжением эрозии государственнической линии в геополитике и все более явным проявлением политической коррупции и сговора на самых верхних этажах власти. Процесс, который В. Путин не может остановить при всем желании, ибо инерция такой негативной трансформации очень высока. Очевидными признаками подобных негативных тенденций являются: решения по "Соглашению о разделе продукции по Каспию" (аналогичное скандально известному Соглашению по "Сахалину-1" и "Сахалину-2", которое явным образом лишает Россию ее доли в прибылях от нефтегазовых работ на российском участке дна Каспия; ряд громких коррупционных скандалов вокруг министерства природных ресурсов РФ. Именно при экс-министре природных ресурсов Артюхове процесс активного вытеснения России на периферию, при принятии решений по экологии и биоресурсам, получил "зеленый свет". Тот факт, что эти негативные факты и процессы, прямо влияющие на национальную безопасность России, не становятся предметом пристального интереса либеральных СМИ (в том числе, и государственного ТВ) и правящей партии, лишний раз свидетельствует о мере ответственности правящей элиты. Впрочем, проблема Каспийско-Кавказского региона в контексте российской геополитики – это всего лишь часть системы госполитики в целом. И она никак не может не быть органической ее частью.

О противоречиях в геополитике РФ в Каспийско-Кавказском регионе

Сравнение показывает, что стратегическая продуманность и предельный прагматизм западной (прежде всего, США) "нефтегазовой дипломатии" резко контрастировали со стратегическим "невежеством" и даже безответственностью не только режима Ельцина, но и недальновидностью правящей элиты бывшего Союза. Стратегическая и тактическая неповоротливость союзного руководства проявилась и в неспособности к гибкому реагированию и реструктуризации экономики страны на фоне резко снизившихся цен на нефтегазовые ресурсы на мировых рынках.

Как представляется, одно из главных противоречий зак-

лючалось в том, что МИД РФ (в посткозыревский период) старательно, но столь же безуспешно пыталось опереться на "старые" соглашения между Союзом и Ираном от 1921 и 1940 гг., определявших в наиболее общей форме, без детализации и пр., порядок использования морского пространства Каспия. Об этом написано достаточно много. Мне же хотелось бы обратить внимание на то, насколько неадекватной новой ситуацией была такая политика, которая продолжалась около 2-3 лет и аппелировала к договорам, отражавшим совершенно иную геополитическую ситуацию. МИД тогда упорно продолжало настаивать на "решении всех вопросов, связанных с Каспийским морем, в том числе определении его правового статуса на основе консенсуса... и на том, что Каспийское море является объектом совместного пользования всех прибрежных государств", и это несмотря на весомые доводы и резкую оппозицию Казахстана и Азербайджана. Кроме того, МИД старательно обходило вопрос о "де-факто" произведенном еще в бытность Союза разделе Каспия на "национальные" сектора, с выделением для каждой союзной республики своего участка (сектора) добычи на Каспии нефти и газа (решение Министерства нефтяной промышленности СССР в начале 1970-х и сложившихся обычном праве и практике пользования недрами Каспия Союзом ССР и Ираном).

Безусловно, государственники из МИДа исходили из обычной практики политического торга, когда "настаивают по максимуму", надеясь выторговать с незначительными уступками некие преимущества. Но такая переговорная практика абсолютно не подкреплялась системным воздействием по всем "азимутам" и ведомствам. Не действовали потенциально возможные факторы влияния, которые были бы даже поняты и "правильно" восприняты на Западе. В частности, проблема "разделенных народов" (этнических россиян - лезгин и аварцев - в Азербайджане, осетин - в Грузии) или "работа" с пророссийской оппозицией, которая, при определенных условиях, могла привести к нужным результатам.

Кроме того, раздел Каспия на "национальные" сектора по срединной линии, подтвержденный решениями Миннефтегазпрома СССР в январе 1991 года и оправданный для единого государства (не предполагающего по Конституции право на сецессию, т.е. на отделение) был совершенно не логичен для федеративного (союзного) государства, в котором: во первых, уже явно проявлялись признаки дезинтеграции; и во вторых, в его Конституции было заложено право на сецессию союзных республик. Кстати, именно на это решение союзного министерства, равно как и на обычную практику добычи ресурсов со дна Каспия в период Союза ССР, и ссылались руководство Казахстана и Азербайджана в процессе переговоров о статусе Каспия в 1995-96 гг. И именно этот прецедент расшатал политправовую основу договоров между СССР и Ираном от 1921 и 1940 гг. Правда, юридические "детали" документа слабо прописывали порядок использования дна Каспия.. Но это никак не могло повлиять на решения второй державы мира, которая не считала необходимым консультироваться по каждому поводу с Ираном, хотя из Соглашений 1921 и 1940 гг. косвенно вытекал такой императив.

В итоге, после развала Союза ссылки на договора с Ираном уже не воспринимались как юридически обоснованные и заслуживающие серьезного внимания новыми, амбициозными политигроками вокруг Каспия. И вряд ли при подписании решения о разделе дна Каспия на "национальные сектора (в бытность Союза) доморожденные стратеги включили в это решение такой важный (гипотетический) пункт, как, к примеру, следующий: "В случае демонтажа (или распада, как угодно) Союза решение о разделе дна по "национальным секто-

рам" между союзными республиками автоматически теряет силу. И в права вступает Договор от 1940 г. между СССР и Ираном". А поскольку такого пункта не было (по недомыслию или бюрократической глупости, не известно), то и аргументы мидовского начальства РФ "провисали в воздухе". Было уже поздно исправлять ошибки, которые, как правило, хуже преступления. А поскольку каспийский геополитический "коридор" (решений) для Кремля резко сужен, то нынешнее российское руководство сочло, очевидно, самым разумным не противиться стратегии Запада (прежде всего, Америки); с наибольшей выгодой вписаться в такой сценарий и извлечь из этого выгоды, персональные и корпоративные.

Каспийско-кавказская геополитика США как главный Вызов России

При анализе геополитической ситуации вокруг Каспия мы должны учесть принципиальные отличия в геостратегии США и бывшего Союза в целом и в Прикаспийском регионе в частности.

О чем, собственно, речь?

Во-первых, при всех перипетиях политических баталий между республиканцами и демократами - в том, что касается принятия стратегических решений в США, четко выдерживалась определенная линия поведения, рассчитанная на долгосрочную (на многие десятилетия) перспективу. Причем высокая степень согласованности и системности обеспечивалась как работой целого сонма "интеллектуальных танков" (НИИ, фондов и пр. аналитико-прогнозных центров), так и сопряженностью разных сфер и правительственных программ. Сказанное непосредственно относится к *аэрокосмическим и энергетическим программам США*. Во-вторых, этапы реализации программ и различных проектов (сроки, глубина и масштабы) в США определялись стратегическими и вполне прагматическими задачами, а вовсе не преходящими (субъективными и др.) обстоятельствами типа пропагандистских и "пиарных" задач, коими нередко руководствовались в Москве.

В данном контексте актуален вопрос о *субъекте принятия стратегически важных для государства решений*. Важно также, что принципиальные различия в определении стратегии и тактических задач государства (в США и бывшем Союзе ССР) вытекали из самой "природы" этого субъекта. В США субъект, "размытый" во множестве структур наднационального (и транснационального) характера, строго соблюдают прагматические и долгосрочные интересы ТНК и финансовых домов, тогда как в Союзе субъект принятия решений составлял остов (стержень) госаппарата и был строго иерархически структурирован. В последнем случае *"жреческая каста" комоноенклатуры по определению не могла обеспечить объективность и беспристрастность при принятии решений, а следовательно, и преэминентность концептуальных идей и стратегии развития страны. Она сама стала жертвой политической коррупции и эрозии коммунистических идей в элите.*

Всем хорошо известно, к каким последствиям для Союза это привело. В контексте данной темы отметим только следующие важные факторы демонтажа Союза ССР. Предвестники нынешних неоконгов во главе с Рейганом в США блефом вокруг программы "звездных войн" в 1980-е годы втянули Союз в разорительную гонку вооружений. Огромный урон экономике государства нанесли и война в Афганистане, явившаяся следствием неадекватной реакции на самый удачный провокационный блеф ЦРУ; а затем и успешная реализация проекта *"Ссора между Союзом и арабо-исламским миром"*. Еще один фактор - американцы через свои каналы воздей-

ствия на К-С/Аравии и страны залива "опускают" цены на нефть, что немедленно отражается на экономике "трубы" и экспортных поступлениях в бюджет Союза. На фоне такой стратегически выверенной политики становится очевидным, насколько кремлевская геронтократия и обслуживающие их научные и пр. структуры проигрывали США и были несостоятельны выдержать конкуренцию.

Вашингтон в тот период (в середине 1980-х г.) попутно решал и суперстратегические задачи - на стыке *энергетической и аэрокосмической долгосрочных программ*. Именно тогда спутники, оснащенные новейшими средствами аэрокосмической разведки, позволили американцам получить почти полную "геологическую" картину Земли, прежде всего, - карту расположения нефтегазовых ресурсов планеты. Разумеется, также Прикаспийского региона и морского шельфа. Наученный горьким опытом энергетического кризиса 1973 г., лидер западного мира взял на вооружение *стратегию упреждения*, суть которой заключается в короткой формуле: *"Кто контролирует нефть и пути ее транспортировки, тот держатель контрольного пакета Нового мирового порядка"*. Свидетельств выбора именно такой политической стратегии США на сегодняшний день предостаточно. Вот как формулировал главный принцип геополитики на Балканах бывший министр энергетики США Б. Ричардсон еще в 1998 г., т.е. до начала войны в Косово: *"Речь идет об энергетической безопасности Америки... Мы хотели бы быть уверенными, что эти страны (Македония, Босния и Герцеговина, Болгария - авт. комм.) - в своей политике будут действовать с учетом коммерческих и политических интересов Запада. Мы осуществили важные политически значимые капиталовложения в регион Каспийского моря, и поэтому для нас очень важно, чтобы было выбрано правильное политическое решение при прокладке нефтепровода"*.

Эти стратегически важные решения принимались в глубокой тайне еще тогда, когда никто не сомневался в прочности Союза. Но то, что составляло тайну тогда, теперь уже является ключевым моментом стратегии Национальной безопасности США, которые уже не считают даже нужным скрывать свои неоимперские мотивы поведения по праву силы. Демократы и республиканцы США отличаются лишь тактическими нюансами реализации стратегического выбора. Бомбили Югославию и разыгрывали косовско-македонский сценарий еще при демократе Клинтоне. Разве что демократический "слон", в отличие от республиканского "осла", пытался быть более щепетильным в том, что касается пресловутого общественного мнения и соблюдения интересов различных этнических сообществ и групп влияния в Америке. Бомбежки Югославии и использование албано-косовского фактора (1999-2001 гг), таким образом, помимо скрытой установки на подрыв евро и ЕС и вытеснение Германии и частей бундесвера из Македонии, преследовали и другую, не менее важную задачу - *установление американского контроля на всем протяжении транзита казахстанской нефти (с Тенгизских месторождений, по трубопроводу КТК) из болгарского порта Бургаса и до порта Влора на Адриатике*. Это к вопросу, в какой мере балканская политика США определяется ее геополитическими интересами и энергетическими проектами вокруг Каспия.

С развалом Союза создалась принципиально иная геостратегическая и геополитическая ситуация. Качественно изменилась и ситуация вокруг Каспия. В интересующем нас ракурсе для нас важно следующее. Еще в начале 1990 г. тогдашний министр обороны США Д. Чейни (ныне вице-президент) поручил двум "командам" стратегов во главе с "реалистом" К. Пауэллом (тогда начальник Объединенного комитета началь-

ников штабов) и неоконсерватором П.Вульфовицем (зам.министра обороны) разработать стратегию Америки после "холодной войны". К 21 мая 1990 года на стол Д.Чейни лег доклад представленный П.Вульфовицем, и именно он лег в основу новой геостратегии, озвученной Бушем-старшим как раз в тот день, когда Ирак вторгся в Кувейт, 2 августа 1990 г.

Чем же привлек "ястреба" Д.Чейни и президента США Буша-старшего доклад П.Вульфовица, ныне, кстати, председателя Всемирного банка? Тем, что ключевые стратегические и тактические задачи, сроки и ресурсы, буквально все соответствовало идеалам и чаяниям неоконсерваторов, более жестких и интеллектуально раскованных политиков, грезящих об Америке, как "Новой Обетованной Земле" избранной Богом для спасения. Стратегический "модус" доклада Вульфовица и К° определялся короткой формулой: *"победителю в 'холодной войне' достается приз по максимуму; и этим призом должны быть не только и не столько отдельные 'бесхозные' районы мира. но весь мир – разумеется, выстроенный по ранжиру, со своей иерархией, определяемой по критерию лояльности к Америке, развитию демократии, как это понимают в Америке, ну и т.д. и т.п."*. *"Пентагон видит будущее таким, – писалось на титульной стр. доклада, – в котором США могут и должны предотвратить превращение любой другой страны в великую державу (или альянса), в силу, с которой американцы должны будут считаться"*. Глобализация по-американски, таким образом, сводилась к скорейшему установлению контроля за важнейшими коммуникациями и геоэкономическими (богатými нефтью и газом) районами мира, в конечном счете - к эффективному влиянию на ЕС, Китай и весь мир в целом. "Рах-Американ", по неоконсервативным рецептам, не должен оставлять шансов на выживание не только т.н. "странам-изгоям" или нелояльным государствам и режимам, но в стратегической перспективе даже и "старушке" Европе, не говоря уж о России или Китае.

Лишь победа Клинтона на выборах в 1992 году несколько отстрочила выполнение программы неоконсерваторов в полной мере. "Эволюционный" способ принятия решений (с оглядкой на союзников и такую "тонкую" материю, как общественное мнение), характерный для демократов, уступил место агрессивному напору республиканского правительства, где ключевую роль играли неоконсерваторы, только после 11 сентября 2001 года.

Как эти перипетии отражались в Закавказье и в регионе Каспия? Самым непосредственным образом. Закрепив за собой право на разработку каспийских ресурсов, англо-американские ТНК не спешили вкладывать инвестиции в нефтеразработку в Азербайджане и в строительство обводной трубы, через Турцию. Прежде всего, цена на нефть на биржах Запада делала такие инвестиции дорогими и преждевременными. О том, что война в Чечне также играла на руку западным НК и о далеко не бескорыстном характере поддержки сепаратизма в Чечне Западом писали уже достаточно много. Стоит в этой связи упомянуть и о пресловутом обществе (или клубе) "друзей Чечни на Западе", где главную скрипку играют американские стратеги - "лучшие друзья" России, типа Киссинджера, Бжежинского, Р.Перла и пр. "ястребов" из неоконсервативного "лагеря".

Представляется также, что нападение на Ирак, помимо установления контроля (американских НК, среди которых выделяются компании "Халибертон" и др., близкие к вице-президенту Д.Чейни и к семейству Бушей) за иракской нефтью и соответствующими нефтемагистралями, преследовало и иные цели.

Во-первых, мощным западным ТНК (прежде всего, англо-американским, уже вложившим инвестиции в каспийские проекты) важно было "опустить" мировые цены на нефть, хотя

оккупация Ирака первоначально преподносилась западными СМИ как один из решающих факторов *снижения мировых цен на энергоносители. Во-вторых*, как следствие, создавались *необходимые условия* для запуска проекта трубопровода "Баку-Тбилиси-Джейхан" (БТД) и начала активного освоения каспийских ресурсов в Азербайджане, что невозможно было бы при другом ценовом "рисунке" на нефтяных биржах Запада. *И в-третьих*, начинается ускоренное военное "внедрение" в Закавказье (пока скрытое) и в Ирак и взятие одного из главных врагов тандема "Израиль-США" - Ирана - в военно-стратегические "клещи". А еще ранее (осенью 2001 г.) вторжение в Афганистан, помимо других (необъявленных) задач, преследовало также задачу взятия под контроль территории прокладки планируемого газопровода из Туркмении в пакистанский порт в Индийском океане.

Вся пропагандистская шумиха вокруг пресловутого "международного терроризма" (таинственной "Аль-Каиды", неуловимого Бен Ладена и пр.) не выдерживает серьезной научной критики, ибо целиком построена на фабрикации лжи и подтасовках - это обычная практика спецслужб США и Израиля. В нашу задачу не входит развенчание таких мифов, а интересующимся можно порекомендовать работы ряда авторов, которые с нетривиальных и достаточно строгих позиций освещают проблему терроризма в его связи с глобализацией.

Корпоративный прагматизм или полная сдача позиций РФ на Каспии?

Итог неопределенности геополитической стратегии России в регионе можно оценить по нескольким направлениям: геоэкономическом (прежде всего, энергетическом), экологическом и собственно геополитическом, в контексте обеспечения безопасности и национальных интересов страны в Прикаспийском регионе и на Южном Кавказе.

1. Геоэкономический и энергетический контекст

Четвертый этап эволюции каспийской геополитики России завершился окончательной "победой" корпоративных интересов, связанных с освоением каспийского шельфа. Это прежде всего, НК "ЛУКОЙЛ", закрепившая за собой право на разработку ключевых месторождений российского шельфа: "Центральный", на дагестанском участке, к востоку от Дербента, на стыке срединной линии с Казахстаном; месторождения "Хвалынская" и "Сарматская", к востоку от Лопатина (участок на берегу Каспийского моря к северу от Махачкалы). Самое крупное из них - месторождение "Центральный", его ИЗВЛЕКАЕМЫЕ запасы оцениваются в десятки раз выше, чем в других месторождениях, – около 3,0 млрд. тн. условного топлива. (Примечание: "единица" усл. топлива приравнивает 1 тн. нефти к 1000 куб.метр. газа.)

Но что интересно, с точки зрения защиты геополитических и геоэкономических интересов страны? Прежде всего, что эти месторождения подпадают под *"Соглашение о разделе продукции"* (соответствующие решения без излишнего шума приняты Госдумой еще в начале 2000-х гг.) и вся добытая со дна Каспия на российском участке нефть будет экспортироваться. Закономерен вопрос: "Куда предполагается транспортировать эту нефть: в Новороссийск или же в Баку и далее на Джейхан?" Это принципиальный подход, как и в постановке другой важной проблемы: какие кампании – резиденты или нерезиденты - будут разрабатывать чрезвычайно перспективное месторождение "Центральный"? Ответ на поставленный вопрос содержится в уже принятых Госдумой ФС решениях о "Соглашении о разделе продукции на Каспийском шельфе".

В этой связи интерес представляют сообщения в местной (дагестанской) прессе о желательности работы нефтепровода "Баку-Новороссийск" в *режиме реверса*. То есть нефть, по всей вероятности, предполагается транспортировать в сторону Баку. И далее "галопом" на Джейхан, а вовсе не в Новороссийск. Кроме того, уже с высоких трибун Госсовета РД (декабрь 2004 г.) прозвучала идея, (очевидно, согласованная, в том числе, и на уровне Москвы) о предоставлении права на разведочно-буровые работы на месторождении "Центральный" некой кипрской (разумеется, оффшорной) компании. Таким образом, российскую нефть предполагается транспортировать в Международный морской порт в Махачкале, а затем по нефтепроводу "Новороссийск-Баку" прокачивать в южном направлении.

И здесь главные решения, безусловно, принимаются Москвой. Ибо с начала 2000-х гг. действующий порядок "двойного ключа", когда разработка недр на территории того или иного субъекта Федерации согласовывалась с региональным начальством, был отменен в рамках политики укрепления "вертикали власти". Можно было бы согласиться с новой практикой освоения недр, если бы ФЦ строго "блюл" национальные интересы страны. А тому, что это далеко не так, достаточно много свидетельств.

Еще одно *важное обстоятельство*. Серьезную ошибку совершают те, кто полагают - проект БТД "Баку-Джейхан", рассчитанный на прокачку 50 млн. тн. /в год, может и будет заполняться казахстанской нефтью. Дело в том, что при всем старании азербайджанской стороны Баку может экспортировать не более 15-20 млн. тн. нефти в год. Правда, как предполагают в этой связи некоторые эксперты, вроде С. Маркедонского, проект "БТД – это исключительно геополитический проект", призванный легитимировать (и узаконить) присутствие сил НАТО или американских войск в Южном Кавказе. Кроме того, военное присутствие в этом регионе, которое, судя по активности госдеповских и пентагоновских чиновников, не за горами, рассматривается и как способ геополитического давления и последующего, более активного проникновения как в Центральную Азию, *так и на Северный Кавказ, прежде всего в Дагестан*. Именно так, ибо опыт вторжения США на Балканы с целью "обеспечения безопасности трансбалканского нефтепровода" не оставляет сомнений относительно искренних намерений Вашингтона в регионе*.

Вместе с тем, вряд ли можно предположить, что ТНК, главным образом, американские, вложили несколько млрд. долларов, только надеясь на будущие и очень далекие дивиденды после усмирения Ирана. Безусловно, проект БТК решал и такую геополитическую задачу, наряду с геоэкономической и энергетической. Транснациональный капитал умеет считать деньги и просчитывать ситуации, строить многовариантные сценарии. Задачи, решаемые каким-либо одним проектом, никогда не сводятся только к реализации одной из них, а всегда в комплексе. Именно поэтому все больше косвенных ин-

*Краткое примечание. Только неизвестно, на кого собирается делать ставку Вашингтон в деле обеспечения безопасности на участке нефтепровода "Махачкала-Баку" (ветки от Новороссийска)? В Дагестане трудно найти аналог полупартизанских (и полукриминальных) формирований Косовской освободительной армии, выполнявших роль тарана югославской и македонской государственности на Балканах.. Разве что дальнейшее развитие проекта "Кадыров-младший" в дагестанской модификации. Но для этого необходимо нейтрализовать радикальный исламистский элемент в регионе. Не являемся ли мы свидетелями реализации на Северном Кавказе американского заказа, но в чрезвычайно грубом и жестоком исполнении, когда избирательный террор в отношении салафитов-исламистов (даже умеренных) носит массовый характер.

дикаторов того, что труба БТК будет заполняться российско-дагестанской нефтью из месторождения "Центральный". Ибо все другие месторождения севернее участка "Лопатино" на берегу Каспийского моря (Республика Дагестан) и по качеству, и по прогнозным запасам существенно уступают "Центральному" и неинтересны американцам.

Кроме того, в капитале компании "ЛУКОЙЛ" за последние годы заметно увеличилась доля американского капитала и создан целый ряд СП. И освоение месторождения "Центральный", которое планируется начать через два-три года, вкуче с Соглашением о разделе продукции (по Каспийскому морю) ставит перед нами вопрос: "Собственно, не наступают ли политэлиты России на очередные грабли, подобные тем, на которые уже наступала при ЕБН в Сахалине (вспомним Соглашение о разделе продукции "Сахалин-1" и "Сахалин-2", которое стало возможным благодаря "героическим" усилиям либералов из "Яблока" в Госдуме).

В связи с обсуждаемой темой важно также помнить, что казахстанская (с Каспийского шельфа) нефть невысокого качества, с большим содержанием сероводорода и прочих ингредиентов (типа смолоасфальтовых веществ и парафина), не может смешиваться с высококачественной нефтью, добытой на азербайджанском участке Каспия. Прежде чем смешивать с азербайджанской нефтью для совместной транспортировки, необходимы дорогостоящие технологии ее очищения. Нефть же с месторождения "Центральный" идеально подходит для транспортировки по трубе БТД к терминалу Джейхан на Средиземном море. Именно в этом контексте следует понимать утечку информации в дагестанской прессе и в коридорах власти в Республике Дагестан, и именно в таком ракурсе надо рассматривать частые визиты Алекперова (вместе с ВВП или без него) в Америку. Кстати, и в Совете директоров НК "ЛУКОЙЛ" два американца, один из которых вице-президент – куратор проекта "ЛУКОЙЛ-Каспий".

ВЫВОД неутешительный, с точки зрения защиты национальных (экономических) интересов страны. Американский капитал, пока не отобьет вложенные в разработку инвестиции через "ЛУКОЙЛ" и кипрский оффшор, не перечислит ни одного цента в бюджет страны и региона. Что получают российский и в меньшей степени дагестанский бюджеты от разработки "Центрального"? Вопрос, на который пока нет ответа.

2. Экологический (и биоресурсный) аспект каспийской геополитики.

Все более очевидным становится стратегический выбор Запада на вытеснение России с Каспийского региона в том, что касается также принятия решений по экологии и биоресурсам. Интернационализация процедур принятия решений по Каспию и регионам вокруг него (по самым различным аспектам экологии, геологии и биоресурсам), с подключением международных структур Европы и США, ВБ и пр., перенос центров реализации международных проектов в Казахстан и Азербайджан, реже в Иран, в обход России (и это несмотря на огромный опыт и научно-практический потенциал, накопленный в России) позволяет делать вывод о сознательном характере политики вытеснения России с региона.

О неочевидной (антироссийской) геополитической подкладке экологических программ по Каспию, продвигаемых Западом, подробно написано в статье заслуженного метеоролога РФ А.Максимова. "Политический ущерб от реализации Каспийской Экологической Программы (КЭП), патронируемой международными западными структурами, – пишет он, – огромный для России...и в рамках КЭП реализуются меры по максимальному расширению круга участников "Каспий-

кого пула", в котором стратегические роли распределяются, прежде всего, между субъектами мировой банковской системы и международными организациями разного уровня, а также рядом внерегиональных государств, прежде всего США, провозгласивших Каспий зоной своих жизненных интересов". Чем обусловлены столь серьезные опасения автора нашумевшей статьи? Основные тезисы Максимова сводятся к следующим ключевым положениям.

1. Существует реальная угроза утраты суверенитета России в обширном регионе Волго-Каспийского бассейна, охватывающего более 20 субъектов Федерации, что обусловлено активным навязыванием, под прикрытием экологических проектов "природоохранных мероприятий и пр.". КЭП, проект стоимостью около 20 млн. долл. США, финансируется Всемирным банком (ВБ) и патронируется США и ЕС. Концепция и проект КЭП, как утверждает Максимов, разработаны в США и одобрены на совещании представителей природоохранных ведомств прикаспийских стран, ВБ, ПРООН, ЕС и ЮНЕП (Иран, г.Рамсар, 1-3 мая 1998 г.) и направлены на установление внерегионального контроля практически в любой сфере жизни прикаспийских государств. Причем по всему тексту КЭП используется термин "управление окружающей средой", что очень напоминает термин "управление конфликтами" - стандартная технология завуалированной экспансии и агрессивной глобализации. Проект КЭП уделяет особое внимание интересам ТНК (нефтяных) и международных финансовых структур в этом регионе и фактически ставит эти компании на один уровень с прикаспийскими государствами.

2. Создавая структуры КЭП, американцы уделили значительное внимание формированию выгодной для Запада и ущербной для России системы информационного обеспечения различных видов деятельности на Каспии. "В проекте КЭП, — пишет автор, — не содержится никаких предложений о сотрудничестве ТНК с прикаспийскими государствами в организации контроля над деятельностью НК, равно как не содержится никаких механизмов долгосрочной ответственности ТНК за ущерб населению, уникальным биоресурсам и природной среде".

3. Главные задачи, поставленные руководством КЭП, сводятся: а) к подмене функций госорганов прикаспийских стран в этой области; б) к сведению до минимума традиционно ключевой роли России в информационной области на Каспии. С этой целью три ключевых центра для реализации проекта КЭП размещены: в Баку (контроль загрязнения и реагирования на чрезвычайные ситуации), в Тегеране (по региональной оценке загрязнений); по оценке колебаний уровня Каспия (в Алма-Ате), тогда как обширные банки данных в этих сферах всегда создавались в РФ.

4. Не отвечает интересам России и намерение западного руководства КЭП сделать эту структуру посредником между прикаспийскими странами и нефтяными ТНК. Западные ТНК явно заинтересованы в том, чтобы существенно занизить необходимые природоохранные мероприятия на Каспии. На сегодняшний день накоплено достаточно много свидетельств несоблюдения ТНК, работающими на Каспии, мировых стандартов расходов на мониторинг и природоохранные мероприятия при освоении нефтегазовых ресурсов Каспия.

5. КЭП — инструмент разрушения международно-правовых позиций России на Каспии. Целый ряд положений и практик, предусмотренных КЭП, отодвигают Россию на периферию и лишают Москву возможности влияния на принятие решений. Кроме того, антироссийский вектор КЭП заключается в том, что не учтен международный опыт в разработке правовых механизмов защиты окружающей среды.

6. Неприемлемыми для России являются правовые механизмы, сформулированные в КЭП, по вопросам управления биоресурсами Каспия, защиты биоразнообразия и мониторинга окружающей среды. Руководство КЭП продолжает активные действия по внедрению внерегиональных субъектов в управление рыбным хозяйством Каспия.

Вывод. Правительство РФ и соответствующие ведомства своим бездействием и потворством фактически проложили "зеленый свет" западным (прежде всего, американским) инициативам в Каспийском регионе. В результате Россия постепенно утрачивает свою традиционно высокую роль на Каспии в том, что касается защиты окружающей среды и решений по биоресурсам. Если не предпринять срочных мер, может оказаться безвозвратно утерянным тот геополитический (и экологический) потенциал на Каспии, который накапливался многими поколениями России.

3. Безопасность РФ в контексте каспийско-кавказской геополитики

В Южном Кавказе (Армении, Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе) и в республиках Северного Кавказа все более откровенно говорят об антисистемном (антиинтеграционном) характере политики Москвы в регионе; о противоречиях или даже совершенно непонятных, с точки зрения защиты геополитических интересов России, шагах Москвы в Южном Кавказе и в республиках Северного Кавказа. Некоторые эксперты (А.Суриков, Д.Петросян, Л.Тания и автор данной статьи в том числе) утверждают даже о скрытом характере антиинтеграционных практик, отчуждающих Кавказ от России, а также о заказном характере такой политики Москвы в регионе. На фоне четко реализуемых задач Америки в регионе российская политика оставляет впечатление раздвоения и невнятности.

Дагестанское направление. Серьезные опасения у местных экспертов вызывает наращивание силовой практики и бессудных расправ, равно как и деструктивная информационная политика Центра. У местной общественности и экспертов возникает недоумение — слишком явны противоречия между выводами Комиссии по проверке РД и комплиментарными шагами Кремля в отношении руководства республики. Столь же много вопросов вызывает практика бессудных расправ и похищений молодых людей, которые практикуются федеральными силовыми структурами, что, разумеется, вызывает массовое недовольство режимом, автоматически проецируемое на ФЦ. Местные эксперты и известные политики говорят, что Москва сама создает здесь условия для несистемной (экстремистской) оппозиции, потворствуя беззаконию, коррупции и похищениям людей. *Более того, учитывая начало разработки месторождения "Центральный" в самом ближайшем будущем, вероятность алармистских прогнозов резко увеличивается.* Америка не станет рисковать столь значительными инвестициями и, по всей вероятности, запущенный уже давно механизм *управляемого хаоса* может быть существенно ускорен. С тем, чтобы актуализировать проблему интернационализации конфликта в Дагестане и легитимации в будущем "гуманитарной интервенции" в пределы Южного Дагестана, — на территорию, где проходит трубопровод "Новороссийск-Баку" и максимум через 4-6 лет должна прокачиваться российская нефть в сторону Баку (?!). Вопросы безопасности транспортировки каспийской (российской) нефти не могут быть прерогативой одной только компании "Транснефть" в таком нестабильном регионе, как Дагестан.

Непризнанные республики Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Хотя проблема этих республик непос-

редственно не связана с каспийской геополитикой, тем не менее, ситуация вокруг них формирует тот "мощный" фон, который влияет на каспийскую геополитику как России, так и Запада. В этой связи неопределенность, невнятность, а порою абсолютно непонятные, с точки зрения российских геополитических интересов, шаги в этих республиках дают основание местным экспертам и политикам сомневаться в серьезности намерений Москвы защитить не просто эти непризнанные гособразования, но даже собственные геостратегические интересы в регионе. Все это постепенно делает привлекательной для местной элиты ориентацию на евроструктуры, а в случае с Арменией - и на Иран. И в Абхазии, и в Армении все отчетливее звучат голоса тех, кто свои надежды строят с Европой.

Вот что, к примеру, пишет эксперт из Армении Д. Петросян, сравнивая политику США и РФ в регионе: "Политика России в регионе породила элементы недоверия в армянском обществе и элите относительно серьезности намерений Москвы продолжать стратегическое партнерство с Арменией... В отличие от Москвы, США демонстрируют четкую стратегическую направленность, в том числе и в вопросе, касающемся разблокировки и открытия железнодорожной магистрали "Карс – Гюмри - Тбилиси", что объективно отсекает Армению от России... а в перспективе вынудит Армению ориентироваться исключительно на Иран, а не на Россию".

Другой эксперт Л. Тания из Абхазии отмечает, что в течение 10 лет "Россия собственными руками выдавливала свои интересы из Закавказья, осуществляя экономическую блокаду Абхазии... стремление удержать Грузию в орбите российского влияния формировало непоследовательный внешнеполитический курс России". Она же выдвигает оригинальную (для России и закавказских государств, но не для Европы) идею "буферных" государств (Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха) как интеграционных и "демпфирующих" конфликт гособразований – соединительных звеньев между Южным Кавказом и Северным Кавказом. Причем идея почерпнута из европейской исторической практики конституирования малых (и даже "микро-") "буферных" государств в прошлом, на стыке границ конфликтующих и более мощных держав.

Известный по кавказско-каспийской проблематике эксперт В. Дегоев на протяжении многих лет пытается "достучаться" до МИДа и Администрации Президента РФ, предлагая нетривиальные подходы в решении региональных проблем. С учетом, безусловно, геополитических интересов России. Эти проекты предполагают расширение формата переговоров с закавказскими государствами, включая, в том числе, и приграничные субъекты Федерации, а также непризнанные республики Южного Кавказа. Разумеется, такой постоянно действующий "круглый стол" (или любой другой новый институт с определенными правами и функциями) не может быть свободен от участия и соседних государств: России, Ирана и Турции, с перспективой подключения и евроструктур.

Вместе заключения.

Означает ли все вышеуказанное, что геополитические (а следовательно, и геоэкономические) интересы России пострадали безнадежно и нет других возможностей для выправления ситуации? Безусловно – нет. Противоречивая, на грани

политического раздвоения, политика Кремля предоставляла до сих пор широкие возможности соседям по Каспию для маневра и последовательного продвижения своих национальных интересов в регионе. Вышеприведенный анализ оставляет мало шансов для оптимистических прогнозов. Однако еще не все потеряно. Наши геополитические соперники, в лице прежде всего США, уже совершают ошибки в Азербайджане и в Центральной Азии. И грех было бы ими не воспользоваться. Но именно здесь больше всего проблем в геополитике Кремля, за некоторыми исключениями. Помимо уже упомянутого нами меркантилизма и очевидных признаков компрадорства, существенную роль играет также имперская традиция недоверия к негосударственным, общественным механизмам и гражданским структурам – как медиаторам долгосрочных интересов страны в регионе.

1. В этом контексте значимый резерв для реализации своих геополитических интересов в регионе, в частности, в Азербайджане представляют компактные "общины" этнических россиян (разделенных народов Дагестана: лезгин и закавказских аварцев, всего более 700 тыс. человек). Политика национал-строительства, нивелирующая этнонациональное разнообразие в обществе и взятая на вооружение Баку, – калка с турецкой политики и неизбежно приведет в будущем к этническим конфликтам. Европа традиционно щепетильно относится к правам этнических меньшинств, и "грех" было бы не воспользоваться данным фактором в отношениях с Азербайджаном. Разумеется, в рамках политкорректности, методично педалируя тему "защиты прав этнических россиян" в Азербайджане.

2. Чем глубже Америка проникает в регион, тем очевиднее для местного населения неприглядные стороны заокеанского образа жизни и стиля поведения, конечных целей дяди Сэма. Это неизбежно провоцирует рост ориентации на северного соседа в массах, что безусловно отражается в установках и поддержке пророссийской оппозиции. Практика иммиграции в Россию и репатриации огромных доходов на родину (в закавказские страны) – также потенциальный фактор, который Россия еще не научилась пользоваться. Кроме того, это потенциальный рычаг воздействия в плане трансформации политики местных элит в Баку или Тбилиси.

3. Потенциально имеющиеся ресурсы коррекции геополитики и восстановления позиций России в регионе можно реализовать в полной мере только при решении ключевого вопроса о геостратегии, цельной и непротиворечивой геополитике России, которая бы четко отвечала на вопрос: "Чего Россия хочет или добивается от Южного Кавказа и прикаспийских стран и что надо для этого сделать?"

4. Необходимо более активное "вторжение" России в реализацию проекта "TRASEKA" или нового издания "Великого шелкового пути", инициированного ЕС, Тбилиси и Баку. Россия не может оставаться в стороне от проекта, предполагающего комплексное развитие коммуникаций по маршруту: "Дальний Восток (вплоть до Тихого океана) - Центральная Азия - Южный Кавказ – Европа". Любой проект, ограничивающийся только одним направлением коммуникаций (в данном случае, по линии "Восток-Запад"), должен непременно дополняться и коммуникационными схемами в направлении "Север-Юг".